

ОТЗЫВ

**официального оппонента доцента, доктора исторических наук,
профессора кафедры истории России Московского государственного техни-
ческого университета им. Н.Э. Баумана
Гайдено Павла Ивановича
на диссертацию Леонида Андреевича Костаненко
«Христианская миссия и формирование церковной организации на Запад-
ном Кавказе в контексте этнополитических процессов в IV–XI вв.»,
представленную на соискание ученой степени кандидата исторических
наук по специальности
5.6.1. – Отечественная история**

Представленная для обсуждения к защите диссертация Леонида Андреевича Костаненко «Христианская миссия и формирование церковной организации на Западном Кавказе в контексте этнополитических процессов в IV–XI вв.» – добросовестный и аккуратный, хотя не лишённый некоторых шероховатостей труд увлечённого и вдумчивого исследователя. Тема и комплекс связанных с ней научных проблем, к которым обратился автор, не новы, однако не могут быть названы вполне разрешёнными. Научно-исторический интерес к Кавказу пробудился поздно, а по-настоящему крупные и фундаментальные исследования о регионе возникли только в советское время. Поэтому, не взирая на всю несомненную древность истории местных политических и национальных образований, картина прошлого исследуемого в диссертации региона полна лакун, а значительная часть высказанных суждений и мнений дискуссионны и ещё долгое время будут оставаться предметом непримиримых споров и идейных столкновений. Особую трудность при изучении событий IV–XI вв. представляет этно-религиозная и политическая пестрота региона, испытавшего на себе множественные культурные и военно-политические влияния со стороны Византии, Персии и Хазарии. Не простой представляется и христианская карта Кавказа. Здесь нашли своё прибежище представители большинства христианских течений исследуемого периода, что привело к формированию на данной территории ряда автокефалий, обладавших разной степенью независимости от Константинопольской первосвященнической кафедры и иных религиозных центров. Ценной стороной работы видится и то, что данный труд ещё раз обращает внимание на важную, очень часто

игнорируемую особенность отечественной истории – история национальных регионов России – неотъемлемая часть прошлого нашего Отечества.

Рассматриваемая диссертация – безусловно самостоятельный труд. В пользу этого говорят не только продемонстрированная автором эрудиция, но и некоторые присутствующие в тексте нелепости, плод живого ума и некоторых личных убеждений. Например, исследование местами не лишено едва ли уместной для светской диссертации религиозной апологетики. С рельефной очевидностью они хорошо видны в некоторых предлагаемых автором концепциях, почерпнутых из церковной литературы. Конечно, транслируемые в церковных изданиях идеи важны, особенно высока их значимость при оценке догматических и церковно-исторических сюжетов, но и в этом случае нельзя отрицать их апологетическую направленность, что, собственно, закреплено в системе научных и образовательных представлений, присутствующих и декларируемых в Русской Православной Церкви.

В диссертационной работе действительно хорошо просматривается влияние полученного автором духовного образования. И далеко не всегда это идёт на пользу труду. И всё же эта эклектичность придаёт диссертации присущее только данному типу работ своеобразие.

Между тем, структура работы представляется хорошо продуманной, логичной, с хорошо сформулированными смысловыми частями и отражающей научные намерения автора. Так же положительно и даже высоко можно высказаться об объёме работы (исследование вполне можно было бы расширить ещё на 40–59 страниц, что позволило бы автору лучше обосновать свои суждения), комплексе привлечённых источников и обширном пласте исторических исследований, на которых основывается авторская мысль. Особо хотелось бы отметить работу автора с археологическими источниками. К большому сожалению, в исторических исследованиях этот пласт источников остаётся недооценённым. Здесь же – тот редкий случай, когда при реконструкции исторических событий, исследователь не только использует данные, полученные в области археологии и истории архитектуры, но и хорошо знаком с описываемыми археологическими и архитектурными памятниками.

Наконец, достоинством диссертации необходимо признать её междисциплинарный характер.

И всё же целый ряд высказанных автором положений представляется по меньшей мере дискуссионным.

Для того, чтобы в условиях сравнительно краткого отзыва на диссертацию, с одной стороны, максимально полно охватить текст, а, с другой стороны, не утонуть в мелочах, представляется лучшим высказать замечания и недоумения в форме сгруппированных блоков вопросов.

Прежде всего, это вопросы, касающиеся работы уважаемого диссертанта с *источниками и многочисленными исследованиями.*

Как уже было отмечено, автор сумел опереться на значительный пласт источников. Однако досадной недоработкой видится их во многом формальная систематизация и характеристика. Прежде всего, это касается историографических источников, т.е. научной литературы. Что, к сожалению, отсутствует? При том, что автор хорошо различает периоды в отечественной историографии, однако уклоняется от их внимательного описания, выявления господствовавших или преобладавших на тех или иных этапах интересов, не устанавливает связь этих интересов с общеисторическими и общенаучными процессами времени и не прослеживает обусловленность рождения или исчезновения каких-либо научных запросов особенностями общественного развития. В результате, при анализе научной литературы в своём стремлении охватить максимальный объём литературы исследователь постоянно склоняется в сторону библиографического описания. Существенно большего внимания заслуживает зарубежная историография. При этом нельзя сказать, что автор не разобрался в материале. Напротив, диссертант хорошо знает используемые им исследования, но при их презентации стремится не к их анализу, а к избыточному описанию содержания публикаций. Между тем, такой разбор помог бы и самому Леониду Андреевичу лучше понять и оценить привлекаемые им труды и статьи. Правда, здесь необходимо признать, что историографическая часть любой диссертации – это наиболее сложный для реализации фрагмент исследования, поскольку предполагает знание диссертантом значительного числа нюансов, а это нарабатывается годами.

В равной мере всё сказанное об историографии можно отнести и к авторскому анализу источников или, как называет их автор, «первоисточников». Вызывает некоторое сожаление систематизация источников. А наиболее удачным видится описание исследований по археологии. Правда, это анализ именно исследований, а не памятников. И это тоже крайне досадно. Впрочем, уже в основной части рассматриваемого научного исследования, обращаясь к тем или иным археологическим и архитектурным памятникам, автор диссертации предлагает такие описания, что компенсирует недостатки, присутствующие во Введении. В то же время спорными видятся некоторые оценки. Например, авторский тезис о том, что «Церковные каноны имели в Византийской империи силу государственных законов, оказывая значительное влияние на общественную жизнь», по меньшей мере спорен. Канонические нормы были инкорпорированы в систему права империи ромеев, но их применение было всё же ограниченным. Присутствующие в церковной историографии представления о высоком статусе канонических норм церковных актов, откуда, скорее всего, и была почерпнута высокая оценка, несколько противоречат действительности. И здесь автору вполне могли бы пригодиться диссертационные и монографические работы Сергея Яковлевича Гагена и Александра Владимировича Меньшикова. Первая из них рассматривает систему церковных судов и их места в системе судов империи. Вторая предлагает посмотреть на историю византийских архивов, в том числе архивов церковных.

Авторские терминология и стилистика. Успех любой научной работы во многом определяется корректностью используемых в исследовании терминов и стилистикой. Первое позволяет понять, о чем идёт речь, вторая – помогает понимать авторскую позицию и располагает либо к лучшему усвоению прочитанного, либо рождает раздражение и скуку. К счастью для всех (и для автора, и для читателей) Леониду Андреевичу удалось благополучно избежать последнего. И всё же стоит остановиться и на этом комплексе.

Первое, что «режет глаз» читателя – это использование диссертантом терминов, почерпнутых из современной политической жизни и лексики. В результате, происходит модернизация прошлого и искажается смысл. В итоге такое

упрощение неминуемо снижает научную значимость высказываний и идей уважаемого автора. В данном отношении показательным использованием автором категорий «конфессия» и «оккупация».

Например, данная категория присутствует не только внутри текста, но и в названиях параграфов. Но насколько оправдан такой приём автора. Всё же представление о «конфессиях» восходит к значительно более позднему периоду. Не лучше ли говорить о существовании на Кавказе сложной религиозной ситуации, или о присутствии различных христианских традиций? В противном случае возникают нелепые заключения. Например, автор пишет: «В группу патристических источников вошли богословские произведения, авторство которых принадлежит известным отцам Церкви. В частности, формировавших её учение в области государственно-конфессиональных отношений. Сюда вошли: известный труд патриарха Фотия (IX в.) «Библиотека», а также на гомилетический сборник, принадлежащий патриарху Константинопольскому Филофею (XIV в.)».

Насколько оправданно рассматривать богословское наследие патриархов Фотия и Филофея как труды «в области государственно-конфессиональных отношений»? Применённая диссертантом формулировка представляется неудачной. Кроме этого, насколько верно именовать этих первоиерархов «отцами церкви»? Конечно, в современной богословской литературе корпус отцов церкви существенно расширен. Но оправданно ли и это, поскольку оба иерарха, как и многие иные прославленные в лике святых святители, клирики и монашествующие не участвовали в созидании и рождении церкви? Их заслуги перед Богом и Церковью в ином. Поэтому формирующаяся в современном российском богословии точка зрения небезупречна ни в этом труде, ни в тех современных изданиях, которые предельно свободно раздают святым «звания и награды»?

Аналогично можно оценить высказывание автора о том, что «Анакопия и часть северо-западной территории Абхазского царства была оккупирована Византией». В современном значении в русском литературном и научном языках термин «оккупация» едва ли применим в отношении событий раннего Средневековья. Так что дальнейшие комментарии данной ошибки представляются избыточными в силу очевидности нелепой формулировки.

Тенденциозность. Серьезной проблемой (не критичной для данной диссертации, но вызывающей сожаления) видится доминирование в тексте суждений, подходов и логики, свойственной церковным исследованиям. Вопрос даже не столько в уместности такой авторской позиции, сколько в том, способствует это объективности высказываемых наблюдений и суждений или нет? Следуя по стезям церковной традиции в области написания научных работ, исследователь старательно избегает анализа непростых, а порой и неоднозначных сюжетов, событий и личностей. В качестве примера можно рассмотреть то, как Леонид Андреевич рассматривает личность и труды митрополита Макария (Булгакова). С одной стороны, диссертант заявляет об успехе первого тома выдающегося церковного историка, а с другой – признаёт присутствие острой критики. Между тем, создававшийся иерархом труд изначально рассматривался в качестве учебника по истории Русской Церкви, а не научного труда (как об этом пишет наш диссертант). Однако то старание, качество и масштаб, с которым гениальный церковный автор подошел к делу, превратили амбициозный проект в непревзойдённый в российской клерикальной среде по сей день шедевр исторической мысли. Для церковной научной среды Макарий, как выпускник очень провинциальной Киевской духовной академии был «варягом», а его снисходительность и склонность к поощрениям талантов плохо вписывались в представления его церковных современников. Для этого достаточно вспомнить отношение выдающегося митрополита к Е.Е. Голубинскому и то, что постигло профессора после смерти его покровителя. Внимание к трудам святителя Макария возникло только после переиздания его Истории в конце XX в. Современники же были к Макарию несколько безразличны. Их интересовало не научное наследие иерарха, а его административные ресурсы, с которыми нехотя приходилось считаться. То есть предложенная автором интерпретация трудов митр. Макария существенно искажает реальность. Увы, наш диссертант Истине (причём не только научной, но высокой человеческой) предпочел «корпоративные правила» своей среды.

Аналогичная несправедливость присутствует, например, и в отношении советского периода российской историографии. Автор смело, отважно и реши-

тельно заявляет: «В советский период в результате господства в науке материалистического марксистско-ленинского подхода изучение христианской истории Западного Кавказа свелось к частным археологическим или этнографическим изысканиям».

Правда? Исследование Западного Кавказа в советский период «свелось» к изучению только археологии и этнографии? А как автор представляет начало исторической работы без большой предварительных источниковедческих исследований? А как быть с работами по изучению местных, кавказских и византийских текстов и т.д.? Кроме того, научная правда всё же требует признать, что начало научного исторического исследования Кавказа и формирование здесь научных школ было положено именно в так нелюбимые автором советские годы. Мы до сих пор «пожинаем плоды» этих усилий, стоя на плечах не только дореволюционных, но и советских учёных.

О том, насколько проблемно стоит вопрос о методологии можно судить по тому, как в работе обнаружился «церковно-исторический метод». Этот дикий зверь обитает в непроходимых дебрях богословских и теологических работ, не лучшим образом характеризуя авторов. Именно оттуда он и забрёл в этот замечательный труд. Нет такого метода в мире живых! Подобные дивные фантомы и враждебные здравому рассудку призраки лучше не подкармливать своим воображением и изгонять из научных текстов и собственного ума.

Вообще, в работе просматривается аккуратное старание автора избегать анализа неудобных церковных тем, как только они оказываются связаны с социально-экономическими и политическими аспектами. В данном контексте церковные структуры Кавказа оказываются лишь плодом политической воли, порой обусловленной этническими аспектами, а не более сложных процессов. И это вызывает искреннее сожаление. Такая осмотрительность автора лишает многие из рассмотренных им сюжетов глубины.

Стилистика. При том, что текст диссертации интересен, приходится признать, что автору предстоит в последующем поработать со своим стилем. Некоторые фразы громоздки, некоторые – напоминают лексику из бюрократических

отчётов: «<...> систематизирует большое количество исторической информации<...>»; «Среди зарубежных авторов, занимавшихся историей христианства на Западном Кавказе, чьи труды проанализированы в процессе нашего исследования<...>»; «<...>являясь уникальным авторским исследованием<...>»; «Процесс научного изучения этой темы продолжается, регулярно появляются новые результаты<...>»; «<...>исторический междисциплинарный синтез, позволяющий обрабатывать и систематизировать полученную информацию<...>». И т.д., и т.п.

Изобилие подобных высказываний и удивляет, и вызывает трепет. Всё же как много может стерпеть многострадальный и великий русский язык!

Наконец, хотелось бы отметить, что многие из отмеченных выше недоработок и ошибок обусловлены тем, что заявленная в диссертации тема всё же больше соответствует не кандидатскому, а докторскому исследованию. Кандидатская работа существенно ограничена объёмом, а поэтому полноценно раскрыть замысел в таких условиях не только затруднительно, но и невозможно без существенного сокращения текста и упрощения повествования.

Впрочем, отмеченные замечания не умаляют проделанной диссертантом работы. Содержание автореферата в целом соответствует содержанию самой диссертации. Поэтому считаю, что представленный к защите труд – старательное и оригинальное научное исследование, в котором обозначены и во многом разрешены актуальные проблемы в области исследования развития церковной организации на Западном Кавказе VI–XI вв.

Считаю, что диссертация «Христианская миссия и формирование церковной организации на Западном Кавказе в контексте этнополитических процессов в IV–XI вв.», представленная на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. – Отечественная история, соответствует требованиям пп. 9–11 Положения «О порядке присуждения учёных степеней», утверждённого Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842, утверждённого Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842 (в действующей редакции), а её автор – Леонид Андреевич

Костаненко заслуживает присуждения искомой учёной степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. – Отечественная история (исторические науки).

Также считаю, что при существенной доработке диссертация вполне могла бы быть представлена для публикации в виде монографии. Появление такой книги стало бы большим вкладом в исследование этно-религиозных процессов на Кавказе.

Доктор исторических наук (специальность 07.00.02 – Отечественная история), доцент, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет)» *Гайденов П.И.* Павел Иванович Гайденов

12 мая 2026 г.

Адрес: 105005, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Басманный,
ул. 2-я Бауманская, д. 5, с. 1
Тел.: +7 (499) 263 63 91
E-mail: bauman@bmstu.ru
Сайт: <https://bmstu.ru>

Подпись Гайденова П.И. заверяю.
Вернейшей печатью по персоналу:
Шагабудинов И.В. ШАГАБУДИНОВ И. В.

С отзывом ознакомлен.

01.06.2026

К.И.С.

П.А.Костаненко